

СКОЛЬКО ЦВЕТОВ В РАДУГЕ?

igneus
luteus
uiridis, caeruleus
purpureus

У нас в Риме особая радуга – четырехцветная: *igneus* 'красный', *luteus* 'оранжевый + желтый', *uiridis, caeruleus* 'голубой + синий', *purpureus* 'фиолетовый'.

Не спорьте, цветов в радуге три, сами посмотрите: *φοινικῶς* 'красный', *ξάντος* 'оранжевый + желтый', *πράσιος* 'зеленый + голубой + синий', *ἀλουρήζ* 'фиолетовый'.

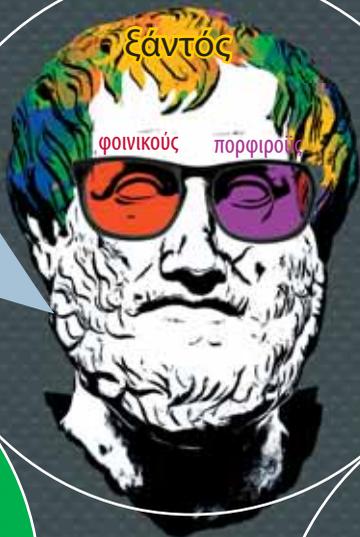

А я не вижу, я знаю, что в радуге семь цветов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, индиго (темно-синий) и фиолетовый.

Сенека

Представление об окружающем мире всех живых существ на планете в большей или меньшей степени зависит от зрения. И у всех оно разное, даже у млекопитающих. Например, одни виды лишены цветного зрения, а другие – различают лишь отдельные цвета спектра, и только очень немногие, например высшие приматы, имеют полноценное цветное зрение. Современный человек, населяющий планету, относится к одному виду – *Homo sapiens*, и несмотря на это, в разных языках палитра цветообозначений может сильно различаться по количеству представленных в ней цветовых терминов. Значит ли это, что знакомая всем с детства мнемоническая фраза «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», помогающая запомнить последовательность цветов радуги и цветов спектра, работает не для всех? И с чем это связано? Главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, зав. кафедрой общего и русского языкознания НГУ, д. ф. н., профессор Наталья Борисовна Кошкарёва рассказала, в каких языках мира различается до 12 базовых цветообозначений, а где всего два, а также о том, что в первую очередь определяет языковые способы наименования цвета – физиология или культура, и действительно ли для древних греков море было не синим, а «виноцветным». Научно-популярная лекция прошла 14 мая в ГПНТБ СО РАН в рамках новосибирских «Дней науки»

Аристотель

Да-да, определено три цвета: *φοινικῶς* 'красный', *χλωρός* 'оранжевый + желтый + зеленый + голубой + синий', *πορφύρεος* 'фиолетовый'.

Древнегреческий философ Клефонт

Ключевые слова: цвета, система цветообозначений, зрение, язык, спектр, аборигены, лингвистика, культура, бесписьменные языки, зрительное восприятие, оптическое явление, коренные народы, этнолингвистика*.
Key words: colors, color system, vision, language, spectrum, aborigines, linguistics, culture, unwritten languages, visual perception, optical phenomenon, indigenous peoples, ethno-linguistics

* Раздел языкознания, исследующий психические, этнические, культурные особенности народа, нации и то, как они отражаются в языковой системе

© Н. Б. Кошкарёва, 2018

КОШКАРЕВА Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск), зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, член Орфографической комиссии РАН, эксперт РАН. Автор и соавтор 150 научных публикаций

Еще в начале XIX в. выдающийся немецкий языковед и философ Вильгельм фон Гумбольдт сформулировал идею, которая позднее стала основополагающей для этнолингвистики: «Человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живет с предметами так, как их преподносит ему язык... И язык описывает вокруг народа круг, выйти из которого человек может, лишь вступив в другой круг, описываемый другим языком». Другими словами, наше сознание и наше восприятие мира во многом предопределяются тем, на каком языке мы говорим с детства.

Позже появилась гипотеза лингвистической относительности американских лингвистов Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа, согласно которой мы видим мир таким, каким «показывает» его нам наш родной язык. Отсюда следует, что мы как бы не замечаем того, что не нашло отражения в нашем языке, а именуем

Цветовые термины в «Одиссее» Гомера

Кровь	λευκός	белый
	μέλις	черный
Темные облака	ξανθός	желтый
	πορφύρεος	пурпурный
Морская волна	έρυθρός	ярко-красный
	πόλιος	серый
Радуга	κυάνεος	индиго
	φοίνιξ	кроваво-красный

Фишашковый	Мятный	Лаймовый	Шартрез
Морская пена	Папоротник	Оливковый	Грушевый
Зеленый	Паракитовый	Кислица	Изумрудный
Шалфей	Крокодиловый	Соленый огурец	Мох
Базилик	Сосна	Водоросли	Можжевельник

прежде всего то, что важно для данного народа в культурном отношении.

Море – синее или винноцветное?

Одним из первых на различия в системе цветообозначений в разных языках обратил внимание выдающийся государственный деятель Уильям Гладстон (1809–1898 гг.), который четырежды избирался на пост премьер-министра Великобритании в XIX в. Это был не только выдающийся политик, мыслитель и писатель, но и талантливый лингвист. При изучении древнегреческих поэм «Илиада» и «Одиссея» Гомера он обратил внимание на то, что в языке оригинала нет отдельных слов для обозначения «синего» и «зеленого» цветов – море в этих текстах описывается словом «винноцветное». В нашем представлении цвет вина ассоциируется, прежде всего, с темными оттенками красного. Но значит ли это, что у берегов Древней Эллады плескались волны красного цвета? Совсем нет, так как ассоциативный ряд, связанный с представлением о цвете вина, может включать в том числе и ассоциации с цветом «белого» вина, которое, как известно, в русском языке называли «зеленым». Вспомним хотя бы Илью Муромца, который выпил «чашу зелена вина».

Согласно анализу У. Гладстона, в «Одиссее» Гомер использовал 8 цветовых терминов. При этом для описания крови применялось такое же слово, как и для обозначения белого цвета, а морской волны – слова, обозначающие цвета, лежащие в спектре «светло-красного» и «серого». Получается, что для греков привычное нам «синее море» было «винноцветным»

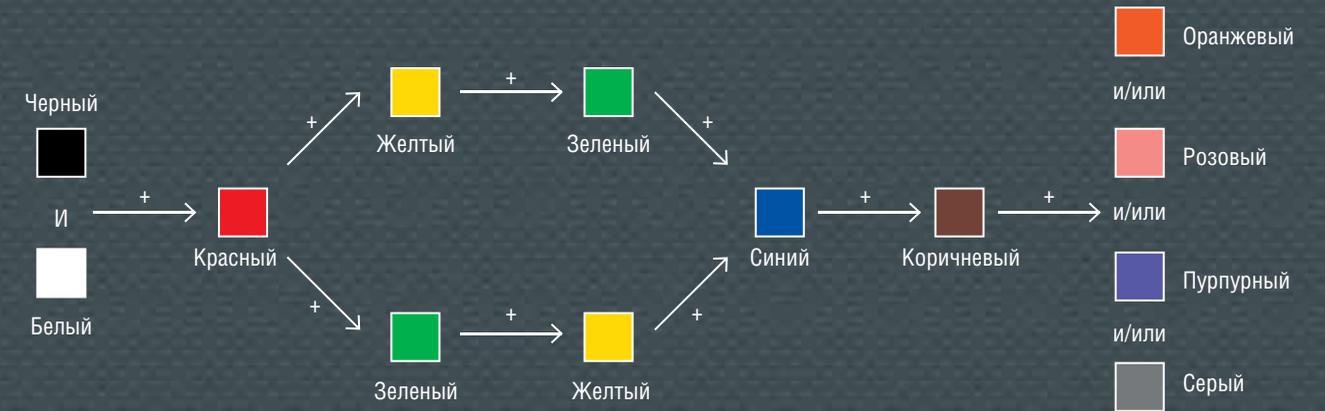
Английский язык предоставляет много возможностей для наименования цветов и оттенков зеленого спектра. При этом в мире существуют языки, в которых слова для обозначения «зеленого» вообще не существуют

У. Гладстон в III главе «Исследований о Гомере и его веке», опубликованных в 1858 г., утверждал, что словарный запас Гомера, применяемый для описания цветов, был весьма ограничен, а его эпитеты для современного читателя звучат по крайней мере странно.

Полная характеристика поэм Гомера в описании Гладстона звучит так: их цветовой язык беден, и одно и то же слово используется для обозначения различных по цвету предметов, при этом для обозначения цвета одних и тех же предметов могут использоваться совершенно разные «красочные» эпитеты. Наиболее часто используются слова, обозначающие самые грубые цвета, в основном черный и белый, и, как правило, все остальные цвета сводятся к оттенкам этих двух. Наконец, сами по себе цветовые характеристики в описаниях встречаются существенно реже прочих.

Для доказательства этих тезисов У. Гладстон выписал все употребленные Гомером прилагательные, имеющие отношение к цвету, и проанализировал все ситуации, в которых они использовались. Таких прилагательных он обнаружил восемь для основных цветов: белого, черного, желтого, красного, фиолетового, темно-синего, а также два слова без прямого соответствия в современном языке, одно из которых, вероятно, было синонимом пурпурного.

На этом основании был сделан вывод: «орган цвета и его впечатления были лишь частично развиты у греков героической эпохи». В статье *The colour sense* (1877) У. Гладстон, в ответ на теорию эволюции Дарвина и Ламарка, развивает теорию «обучения зрения».

Аборигены Северной территории – субъекта федерации в составе Австралии. Фото: Medford Taylor/Getty

Универсальная схема развития системы цветообозначения в языке, в которой выделены 7 стадий. По (Кей, Берлин, 1969)

В одном из аборигенных австралийских языков нет названия для зеленого цвета. Это связано с тем, что в окружающем их ландшафте природный зеленый цвет фактически отсутствует

Согласно этой концепции, в историческом масштабе у целых народов зрение со временем «тренируется» так же, как у художников во время обучения. Вряд ли такая точка зрения была бы признана политкорректной в настоящее время, тем более что и сейчас есть много языков, в которых к числу базовых относится всего лишь пять, а то и четыре, или три, или даже всего два цветообозначения.

От черно-белого – до радуги

У. Гладстон, а позже и другие исследователи задавались вопросом: если названий таких цветов, как «синий» и «зеленый», в языке нет, означает ли это, что люди их не различают? Или просто сама система цветообозначения у тех же древних греков была иной, чем у современного человека?

И это касается не только древних греков – подобные исследования проводятся и на материале современных языков. Здесь необходимо напомнить, что человеческий глаз в принципе может распознавать 10^6 оттенков цветов! При этом в любом языке наименований цвета оказывается существенно меньше, и в разных языках эти системы значительно различаются: языки широко варьируют как по набору терминов цвета (от 2 до 12 базовых цветов), так и по объему понятий одних и тех же цветообозначений.

К примеру, в одном из языков австралийских аборигенов одно и то же слово используется для обозначения трех цветов – синего, фиолетового и коричневого, для которых в русском языке имеются отдельные названия. Что касается английского и русского языков, то они более-менее близки по количеству цветообозначений,

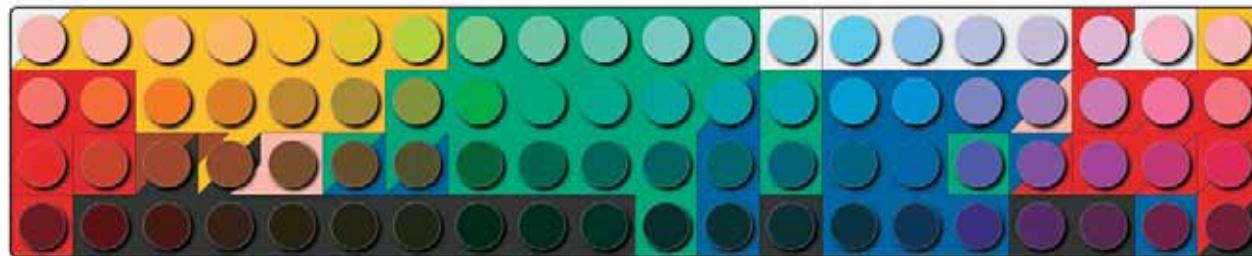
и все же разница существует и между ними. Так, в английском языке имеется 11 базовых цветообозначений, в русском – 12. Этот дополнительный цвет – голубой. Разграничение синего и голубого цветов является яркой отличительной чертой русского языка.

В 1969 г. в США вышла книга Брента Берлина и Пола Кея, посвященная типологии цветообозначений в языках мира (B. Berlin, P. Kay *Basic color terms: their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press, 1969). Антрополог Б. Берлин изучал обычаи одного из народов майя – цельгаль, представители которого проживают в мексиканском штате Чьяпас, известном знаменитыми древними пирамидами майя. Лингвист П. Кей занимался языками аборигенов Таити и обратил внимание на то, что слово, обозначающее базовое понятие «красный», используется для описания широкого спектра – от оранжевого до фиолетового, при этом учитывается еще и свойство поверхности – насколько она блестящая и гладкая. Он также заметил, что одно и то же слово обозначает одновременно и зеленый, и синий цвета. Те же самые особенности отметил Б. Берлин и для языка цельгаль в Мексике.

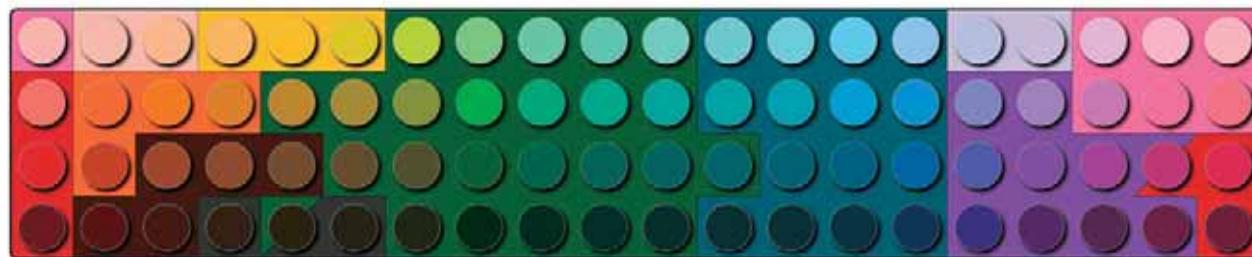
Ученые пришли к мысли, что если генетически неродственные языки, разделенные огромными пространствами, имеют сходные характеристики, это означает, что у разных народов мира должны существовать универсальные механизмы цветообозначений. Б. Берлин

Фишки различных оттенков, сгруппированных по базовому цвету носителями английского языка и языка австралийских аборигенов. © Asifa Majid

Jahai

English

Племя, проживающее на Тробрианских островах Папуа-Новой Гвинеи, и британский антрополог Б.К. Малиновский. В Тробрианском языке присутствуют четыре термина для обозначения цветов. Public Domain

Абориген. Папуа-Новая Гвинея. Local Yali Tribeman Baliem Valley – Papua, CC BY 2.0, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=2106141>

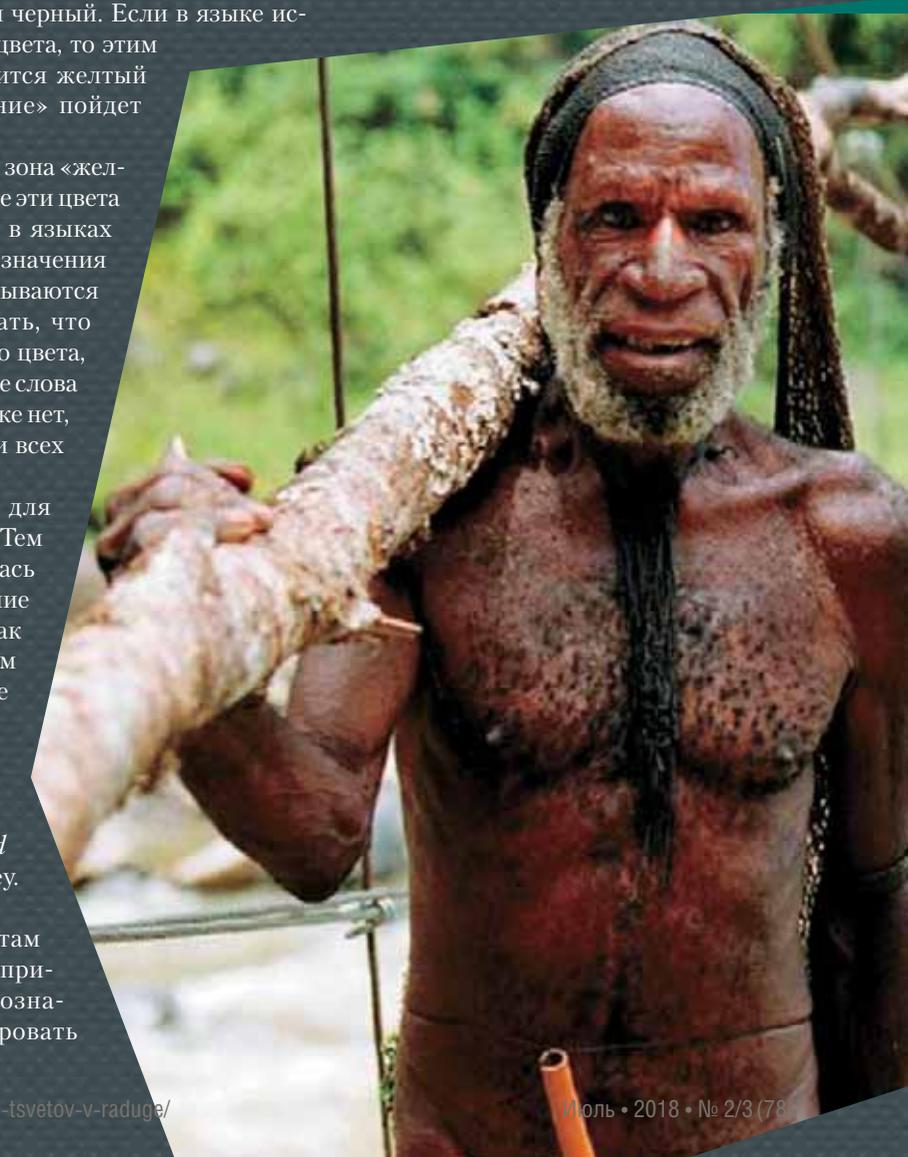
и П. Кей изучили вначале около 20 письменных языков практически всех крупных языковых семей, обслуживающих постиндустриальные общества.

Согласно идее В. Берлина и П. Кея, базовыми цветами в любом языке являются ахроматические цвета – белый и черный. Если в языке используется три термина для обозначения цвета, то третьим будет красный. Четвертым появится желтый либо зеленый, а дальнейшее «прибавление» пойдет строго по разработанной ими схеме.

Чаще всего встречаются языки, в которых зона «желтый, зеленый и синий» не расчленяется – все эти цвета обозначаются одним термином. И только в языках с более разветвленной системой цветообозначения (английский, русский и др.) эти цвета называются разными словами. В целом можно сказать, что если в языке есть обозначение коричневого цвета, то в нем непременно должны быть отдельные слова для всех предыдущих цветов. Но если в языке нет, допустим, синего цвета, то в нем не будет и всех последующих.

Эта цепочка оказалась универсальной для всех языков, представленных в выборке. Тем не менее работа Берлина и Кея подвергалась критике, в частности за определенное насилие над языковым сознанием информантов, так как исследователи предлагали участникам уже готовую палитру цветов и готовые термины. Однако иерархия Берлина и Кея подтвердилась, когда в 1970-е гг. был проведен Всемирный цветовой опрос, в котором участвовало 2600 человек, говорящих на 110 бесписьменных языках (*The World Color Survey*, 2010, <http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/>).

Эксперименты, подобные экспериментам Берлина и Кея, проводятся и сейчас. Например, в одном из исследований цветообозначений участникам требовалось сгруппировать

по базовому цвету фишки различных оттенков. Оказалось, что, к примеру, у носителей аборигенного австралийского языка *Jahai* и английского языка представления о цветах несколько различаются. И все же, поскольку цветовая волна имеет объективные физические характеристики, во всех языках, даже генетически неродственных и территориально удаленных, система цветообозначений имеет универсальный характер, несмотря на все культурные различия.

Универсальный или относительный?

Итак, на материале языков разных систем ученые выделяют 11 универсальных цветообозначений. Шесть базовых – красный, желтый, зеленый, синий, белый, черный. Все остальные цвета являются результатом смешения базовых. Цвета делятся на теплые и холодные, и это восприятие, как мы увидим дальше, для некоторых народов оказывается более важным, чем хроматические оттенки.

Критерии, по которым цветообозначение определяется как основное, следующие:

- слово не должно быть производным и сложным (поэтому не относятся к базовым цветообозначениям англ. *bluish*, рус. *сине-зеленый*, *голубоватый*, *сиреневый*);
- значение слова не должно быть уже значения

Если на карте Мира отметить языки, где есть отдельные термины для синего и зеленого цветов, то их окажется немного. *WALS Online edited by Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin* <http://wals.info>

другого имени цвета, указывающего на какой-либо близкий оттенок (ср., англ. *scarlet* «оттенок красного», рус. *малиновый*, *алый*, *багряный*, так как включены в «красный» по значению);

- слово не имеет ограничений на сочетаемость (ср., англ. *blond*, обозначающее цвет волос, рус. *карий* – о цвете глаз, *белокурый*, *каштановый* – о цвете волос, *пегий* – о масти животных и т. д.);

- слово должно быть широко известным, всплывать в памяти в первую очередь. Для носителей данного языка оно должно быть психологически значимым, должно присутствовать во всех диалектах данного языка, появляться в начале списка в эксперименте, где информантов просят перечислить известные им цвета; его значения для разных носителей языка и в разных контекстах должны совпадать.

Как же эти базовые цветообозначения отражаются в разных языках мира?

Например, в основе системы цветообозначений языка индонезийского народа дани лежит двойная оппозиция – оттенок и теплота. Слово *mili* используется здесь для обозначения «темного / холодного»: черного,

темно-коричневого, холодных оттенков зеленого и синего. Напротив, слово *mola* применяется для всего «светлого / теплого»: для обозначения белого и теплых цветов, оттенков красного, желтого, оранжевого, бежевого, телесного. Для нас такие параметры кажутся непривычными, однако подобных языков немало.

Системы цветообозначений развиваются двумя путями: ведущим признаком может быть либо разграничение хроматических оттенков, либо степени яркости. В языке *бурапа* система цветообозначений базируется на оппозиции «яркий / тусклый». Например, термин *gungaltja* используется для обозначения белого и пастельных тонов, а также яркого и красного. Термин *gungundja* – для всего остального.

Существуют языки, в которых представлено четыре термина-цветообозначения, при этом происходит расщепление категории. Так, в *себуанском* языке, на котором говорят жители Филиппинских островов, категория «теплый» раздваивается на красный и желтый.

- mabosas* – СВЕТЛЫЙ / белый
- maitum* – ТЕМНЫЙ / черный
- mapula* – ТЕПЛЫЙ / красный
- madurag* – ТЕПЛЫЙ / желтый

Конечно, нам, как носителям русского языка, может показаться скудным такое количество терминов для описания разных оттенков цвета, представленных в окружающем мире. Но в действительности разветвленные системы цветообозначений, насчитывающие до 12 базовых цветов, встречаются довольно редко. Так, из 119 языков, представленных в интерактивном источнике «World Atlas of Language Structures» (<http://wals.info/>), только в 29, то есть в одной четвертой части, представлено 6 базовых цветообозначений, в подавляющем большинстве языков мира их меньше.

Считается, что каждый день в мире, как следствие глобализации, исчезает один язык. И хотя коренные народы Сибири и Дальнего Востока все чаще используют в быту русский язык, все же на территории Сибири и Дальнего Востока на сегодняшний день сохраняется

около 60 самостоятельных языков, которые относятся к четырем крупным языковым общностям – уральской (финно-угорские и самодийские языки: хантыйский, мансийский, ненецкий, энецкий, селькупский, нганасанский и др.) и алтайской (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки: алтайский, тувинский, хакасский, якутский, шорский, бурятский, эвенкийский, нанайский, ульчский, орокский и др.), а также к чукотско-камчатской (чукотский, корякский, ительменский и др.) и эскимосско-алеутской. Есть на территории Сибири и изолированные языки (кетский, юкагирский, нивхский).

Системы цветообозначений в языках, находящихся в генетическом родстве, представители которых длительное время проживают в тесном контакте и ведут совместную хозяйственно-экономическую деятельность, могут существенно различаться.

Так, в финно-угорском *хантыйском* языке представлены два базовых цветообозначения – белый и черный, остальные – производные. Например, для обозначения красного цвета используется прилагательное *вурты*, однокоренное существительному *вур* ‘кровь’; для обозначения желтого используется слово, буквально обозначающее «цвета желчи», соответственно, спектр желтого сдвинут в область зеленого, так как с этим цветом у носителей хантыйского языка ассоциируется желчь, хотя для носителей русского языка она скорее ассоциируется с зеленоватыми оттенками. При этом в *коми-зырянском* языке, который тоже относится к финно-угорской семье языков, цветообозначений намного больше, имеется отдельное слово для синего цвета. На территорию Западной Сибири коми пришли из Европы в XVII в. и переняли у местного населения кочевой образ жизни, но сохранили базовые противопоставления в системе цветообозначений, типичные для языков европейской части России.

Кроме базовых наименований цвета, в языках разных систем имеется большое количество слов, которые обозначают самые неожиданные оттенки цвета, причем чаще всего именно эти единицы отражают культурную специфику народов и особенности природных ландшафтов, в которых они проживают. Например, в алтайском языке восемь базовых цветообозначений: *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *боро* ‘серый’, *кызыл* ‘красный’, *жжыл* ‘зеленый’, *көк* ‘синий’, *сары* ‘желтый’, *күрен* ‘коричневый’; но при этом большое количество слов, обозначающих самые разнообразные масти животных. Когда-то и носители русского языка знали, чем различаются такие масти лошадей, как *буланый*, *каурый*, *вороной*, *гнедой*, *саврасый*, *чубарый*, *чалый*, *чагравый*, *сивый*, *игрневый*, *соловый* и т. д. Сейчас же лишь специалисты могут определить, что *чубарый* – это масть лошади с темными пятнами по светлой шерсти или вообще с пятнами шерсти другого цвета, *чалый* – серый с примесью другого

Алтайский язык

<p><i>ак</i> ‘белый’ <i>кара</i> ‘черный’ <i>боро</i> ‘серый’ <i>кызыл</i> ‘красный’ <i>жжыл</i> ‘зеленый’ <i>көк</i> ‘синий’ <i>сары</i> ‘желтый’ <i>күрен</i> ‘коричневый’</p>	<p><i>буланый</i> <i>каурый</i> <i>вороной</i> <i>гнедой</i> <i>саврасый</i> <i>чубарый</i> <i>чалый</i> <i>сивый</i> и т. д.</p>
---	--

цвета, *каурий* – светло-каштановый или рыжеватый, *буланый* – светло-рыжий с черным хвостом и гривой. По своему происхождению подавляющее большинство обозначений мастей животных в русском языке являются заимствованиями из тюркских языков. Это неслучайно, так как для скотоводческих тюркских культур это имеет огромное значение.

В разных языках обозначения одного и того же цвета могут иметь разные переносные или образные значения. Так, если в русском языке слово «красный» ассоциируется с положительными характеристиками – *молодой, здоровый, крепкий* (например, *красна девица*), то в тувинском языке прилагательное *кызыл* ‘красный’ может употребляться в значении *голый, бедный, нищий*. Аналогично с черным цветом: в русском языке для него много негативных коннотаций, т. е. дополнительных, сопутствующих значений, тогда как в алтайском и тувинском языках прилагательное *кара* ‘черный’ может использоваться в значении *очень, совсем, совершенно, абсолютно*, обозначая положительный признак предмета. Например, «черный» табак – это крепкий табак, тув. *кара шаар* ‘огромное количество’ (букв.: черная чайная гуща). Прилагательное *көк* ‘синий’ в тувинском языке может символизировать, во-первых, положительный признак чистоты или высокой степени проявления качества, например, тув. *көк элээр* ‘совершенно трезвый’ (букв.: синий трезвый); во-вторых, отрицательный признак – простой, необразованный, деревенский, например, тув. *көк шой кижги* ‘неопытный человек’ (букв.: синий чугунный человек).

И даже в этой сфере уникальных для каждого языка переносных значений наблюдаются общие закономерности. В литовском языке, например, слово *raudonas* ‘красный’ тоже может использоваться для обозначения интенсивности признака: *Tai ji pinigų raudonai primygsi (labia reikalauši)* ‘Так денег по-красному будет не хватать (т. е. очень нужны деньги)’.

У всех представителей *Homo sapiens* физиологические предпосылки зрительного восприятия цвета как оптического явления, которое определяется длиной световой волны, должны быть в целом одинаковыми (мы оставляем в стороне случаи дальтонизма или другие индивидуальные отклонения). На этом базируется *универалистская теория*, в соответствии с которой системы цветообозначений в разных языках мира устроены принципиально одинаково, так как в их основе лежат общие для всех нейрофизиологические особенности человека.

Однако при отражении в языке даже такого, казалось бы, объективного физического явления, как световая волна, встречается большое количество вариантов, что позволяет говорить об относительности, а не универсальности этих систем, базовая система

цветообозначений существенным образом корректируется культурными и природными факторами. Например, в одном из аборигенных австралийских языков, вопреки схеме, предложенной Б. Берлином и П. Кеем, нет названия для зеленого цвета, хотя следующие за ним по порядку наименования имеются. Это связано с тем, что в окружающем их ландшафте природный зеленый цвет фактически отсутствует, соответственно, на формирование языковых средств выражения существенное влияние оказывает культура, природное окружение, значимость для повседневной хозяйственной деятельности тех явлений, которые находят свое отражение в языке.

Для носителей русского языка олицетворением цветового спектра является радуга. В «русской» радуге 7 цветов, хотя базовыми для русского языка признаются 12 цветообозначений: белый, черный, серый, красный, розовый, желтый, оранжевый, зеленый, синий, голубой, фиолетовый, коричневый. Отличительной особенностью русского языка является наличие среди базовых цветообозначений слова *голубой* – это один из знаковых для исконной русской лингвокультуры цветов. Несмотря на кажущуюся исконность слова *красный*, оно закрепилось среди базовых цветообозначений относительно недавно, в XVIII в., на месте других древних слов *рдяный* и *чермный*, обозначающих оттенки красного спектра. В слове *рдяный* выделяется индоевропейский корень, который до сих пор встречается и в других индоевропейских языках, ср. англ. *red*, фр. *rouge*, нем. *rot* ‘красный’. О том, какой именно оттенок обозначало это слово, можно судить по исторически однокоренным словам *ржавый, рыжий, зардеться* и *руда* (к слову сказать, одно из устаревших значений слова *руда* – ‘кровь’). Однако значимость «красного» цвета для русской языковой картины мира столь высока, что стало употребляться слово *красный* с исходной оценочной характеристикой «красивый». В русском языке существует большое количество наименований для оттенков красного цвета: *алый, багряный, багровый, пурпурный, малиновый, бордовый, кумачовый, вишневый, туиловый, свекольный, коралловый, брусничный, рубиновый* и др.

Привычный нам сейчас спектр в XVIII в. включал несколько отличающийся набор цветов. Кантемир в «Оде в похвалу наук» перечисляет следующие цвета: «один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудожелтый, седьмой красный». Нетрудно заметить, что в этом перечне нет синего, фиолетового, вместо них – фиалковый и пурпурный. Вместо оранжевого употребляется термин «рудожелтый», обозначающий смешанный цвет, сам термин *оранжевый* появляется вместе с плодом экзотического дерева – *оранжем* (так первоначально называли апельсин; от фр. *orange* ‘апельсин’).

Итак, универалистский подход к номинациям цвета предполагает, во-первых, что существует ограниченный набор базовых цветообозначений, во-вторых, появление новых цветообозначений в том или ином языке подчиняется строгой последовательности: первыми появляются названия для белого и черного, за ними – для красного, далее – желтый, зеленый и синий, при этом для желто-сине-зеленого участка спектра может использоваться либо всего-навсего одно слово, в недифференцированном виде обозначающее все эти цвета вместе, либо два, в одном из которых сочетаются между собой желтый и зеленый в противопоставлении синему или же зеленый и синий в противопоставлении желтому (для этого спектра придумано даже свое слово *grue* как контаминация *blue* и *green*).

Номинации других цветов связаны, как правило, с указанием на природный эталон этого цвета, например: *коричневый* – цвета коры, *розовый* – цвета розы, *сиреневый* – цвета сирени, *кирпичный* – цвета кирпича, *персиковый* – цвета персика, *изумрудный* – цвета изумруда и т. д. И в этой области языки очень сильно различаются между собой, что открывает возможность релятивистских трактовок системы цветообозначений, так как набор слов для неосновных цветов в каждом языке индивидуален и связан с культурными традициями и особенностями окружающего мира.

В последние годы благодаря появлению искусственных красителей мир вокруг нас стал более разноцветным, потребовалось появление новых слов,

Манси – жители деревни Турват-пауль. 1990 г. Бауло, 2015 (Бауло А. В. Медведь-барабанщик. Русская игрушка в обрядах и культурах обских угров // НАУКА из первых рук. 2015. Т. 61. № 1. С. 76—91)

обозначающих новые оттенки цветов, таких, например, как *монастырский белый, лиловый шик* и мн. др., обозначения оттенков цветов поистине бесконечны (*карминно-красный, густо-красный, огненно-красный, бумажно-белый, молочно-белый, снежно-белый* и т. д.), как бесконечен окружающий человека мир.

Литература

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.

Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск, 2008. 264 с.

Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. 320 с.

Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 326 с.

Kay P., Berlin B., Maffi L., et al. The World Color Survey. Stanford, Calif.: CSLI Publications, 2009. 618 p.